

ГЕННАДИЙ КРАСУХИН

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО СУДЬБЕ

**ОТ МАЛОГО ДО БОЛЬШОГО
ГНЕЗДНИКОВСКОГО ПЕРЕУЛКА**



**ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2009**

ББК 84(2Рос=Рус)6
К 78

Красухин Г. Г.

К 78 Путеводитель по судьбе: От Малого до Большого Гнезди-
никовского переулка. — М.: Языки славянской культуры,
2009. — 168 с.

ISBN 978-9551-0309-9

Новая книга воспоминаний Геннадия Красухина сочета-
ет в себе рассказ о литературных нравах недавнего прошло-
го с увлекательным повествованием о тех кусочках старой
Москвы, с которыми автора надолго связала судьба.

ББК 84

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0309-9

© Г. Г. Красухин, 2009

© Языки славянской культуры, 2009

*От себя не уйдёшь, не старайся – не сможешь,
И себя не обманешь и не проведёшь!
Не старайся — не сможешь,
Только труд зря положишь!
От себя не уйдёшь...*

Из моего юношеского (1956-й год)
стихотворения

К ЧИТАТЕЛЮ

Малый Гнездниковский переулок, дом 7 — это адрес Государственного Комитета Совета Министров СССР по кинематографии (Госкино, как его сокращённо называли) — первого моего места службы после того, как поступил я в МГУ на филологический. Работал я там полтора года и, разумеется, много раз оказывался у стоящего неподалёку дома 10 по Большому Гнездниковскому, первого московского «небоскрёба», построенного в 1912-м году, который сразу же стали называть домом Нирензее по искажённой фамилии его архитектора Эрнста-Рихарда Карловича Нирнзее.

Нирнзее построил в Москве немало примечательных зданий — семиэтажных, восьмиэтажных. Но в этом лифты довозили до 9 этажа, на котором, как и на всех других, располагалось множество разной величины квартир для одиночек (как правило, для холостяков). От других 9-й этаж отличался тем, что с него наверх вела небольшая лестница, но уже не в жилые квартиры, а в двухуровневое служебное помещение. Этот небольшой 10-й этаж торчал над огромной плоской крышей, которую архитектор планировал приспособить под смотровую площадку (круговую панораму) и под кафе или ресторан для жильцов дома, квартиры которых не имели кухонь. Первая мировая война, однако, не только смяла эти планы, но заставила Нирнзее, немца по национальности, продать дом и уехать из России. В 1916-м году кафе под названием «Крыша» всё-таки открыли. Но быстро закрыли, объяснив это требованиями пожарной безопасности.

После революции в Четвёртом доме Моссовета, как его стали именовать, в годы НЭПа на месте «Крыши» возникло дешёвое и вкусное кафе-столовая Моссельпрома. В закрытом зале

играл оркестр, в другом зале крутили ленты немого кино, но и на плоской террасе крыши можно было посмотреть фильму. А кроме того со смотровых площадок посетители любовались Москвой, дети резвились на отведённом для них пространстве, молодёжь играла в футбол и волейбол, люди старшего поколения дышали воздухом на скверике с фонтаном. И здесь летом ставили столики кафе-столовой. Так что в появившейся позже гостинице «Москва» её кафе «Огни Москвы» на последнем этаже со столиками на балконе было спроектировано как бы в подражание плоской «Крыше» в доме Нирензее.

В «Огни Москвы» я ходил ещё студентом, благо учился рядом, на Моховой. А в кафе дома Нирензее, разумеется, не был: покончив с НЭПоп, большевики прикрыли и кафе. В то время, о котором пишу, на месте кафе и кинозалов располагалось издательство «Советский писатель». Поначалу я об этом не подозревал, как, впрочем, и о бывшем кафе на крыше. Но после того как ушёл из Гюскино, встал вопрос о моём трудоустройстве, точнее — о праве не работать, живя на гонорары, которые платили мне за критические статьи. Кто-то сказал, что помимо членов Союза писателей, в котором я тогда не состоял, таким правом обладают и члены группкома литераторов при крупнейших московских издательствах. Друзья дали рекомендации в группком при «Советском писателе», куда меня и приняли. Но в само издательство я поначалу не ходил, никого там не знал. Познакомился с его редакторами позже, когда выпускал в нём книгу. Однако к тому времени оно поменяло адрес — расположилось на улице Воровского, нынче называемой по-старому — Поварская. А на место издательства в дом Нирензее въехал журнал «Вопросы литературы».

С этим журналом я сотрудничаю больше сорока лет. Я печатался в нём и когда он находился на Спартаковской, и когда переехал на Пушечную, а после — в дом Нирензее.

Но главное — с 2007-го года я перешёл из неработающего его члена редколлегии в работающего. И если учесть возраст, с каким меня взяли в штат, то легко предположить, что этот журнал будет последним в моём послужном списке.

Итак, в 1963-м я поступил на службу в Малом Гнездниковском, а заканчиваю её в Большом. Бывают, как писал Пушкин, странные сближения!

А коли бывают, так давайте пройдемся по этому небольшому отрезку от Малого Гнезниковского, 7 до Большого Гнезниковского, 10. Конечно, пути здесь самым медленным шагом минут на семь-десять. Но я предлагаю пройти его чуть ли не за полвека, как шёл я сам, незаметно старея, превращаясь из наивного юноши в усталого, вкусившего всякого в жизни человека. «Разве мама любила такого?..» Такого меня мама уже не застала. Вот уже почти двадцать лет, как её нет на свете.

МАЛЫЙ ГНЕЗДНИКОВСКИЙ, ДОМ 7

А видела ли мама этот дом? Не уверен. Не убеждён даже, что она хоть раз была на улице Горького, так при ней называлась Тверская.

Она не выходила за границы раз и навсегда отведённой ею самой для себя территории: Шаболовка — Хавско-Шаболовский переулок (здесь мы жили) — Даниловский универмаг, постоянный и вожделенный предмет маминого обследования: покупала она там что-либо редко, но ходила в него чуть ли не ежедневно, — Серпуховской вал, ведущий к Даниловскому рынку, а через сквер по 4-му Рощинскому проезду к детскому саду, где мама работала воспитательницей. Детский сад был от парфюмерной фабрики «Новая Заря». По имени фабрики называлась и улица — Новой Зари, на которой расположился детсад.

Ну, и введем в эту мамину территорию, пожалуй, Киевский вокзал, на который мама приезжала иногда в Москву из Катюара (теперь Лесной городок), где летом находилась вместе со своим детским садом.

И это притом, что была мама человеком ужасно любопытным, что её невероятно интересовала чужая жизнь. Причём не только соседей или её товаров — воспитательниц детского сада, но совершенно незнакомых людей, о которых ей всего только рассказывали. Увлечённо сообщала нам, каких высот добился некто, кого она никогда не видела и не увидит, или наоборот, с каких вершин его сверзили: удачно/неудачно женился, получил хорошую/плохую комнату, повышен/понижен по службе. От этой страсти — жить не своей, а чужой жизнью — она не избавилась и когда я стал взрослым. Её звонки ко мне были насыщены такими известиями, от которых впору было только пожимать

плечами: ну, какое мне до этого дело? А ей — какое? Чужую квартиру она осмотрела бы с любопытством, прониклась бы новым для неё бытом, что-то там дорисовала бы в своём воображении. А вот городские улицы, старые и новые, её совершенно не интересовали — ни их история, ни облик их домов. Чего ради она стала бы по ним прогуливаться? Городской ландшафт или памятники архитектуры её не занимали.

Я и сам, пожалуй, совсем не интересовался архитектурой. Хотя гулять любил. Меня тянуло бродить по улицам, по центру, по незнакомым кварталам. И я любил бродить и думать о своём. Но теперь, оглядываясь назад, вспоминаю, что ощущал какой-то особый настрой, приближаясь к мощным классицистическим корпусам Первой Градской больницы на Большой Калужской (нынче — Ленинский проспект), или когда разглядывал своеобразные купеческие особняки на Большой Полянке, дворянские — на Пречистинке (в советское время — Кропоткинская). Конечно, тогда я не задумывался об их бывших владельцах и архитекторах, но разницу в облике улиц улавливал. Ну и, конечно, отдыхал душой от барачных подступов к Шаболовке, от унылых деревянных домов, окружённых огородами, сбегающими почти к трамвайной линии, от сталинских безликих пятиэтажных корпусов, в одном из которых мы жили. Но не задумывался о том, когда построен тот или иной особнячок, в каком стиле. Значительно позже меня захватила поэзия архитектуры, когда дома вдруг ожили, волнуя тайной своей жизни, красотой пластики, патиной времени. Кто-то хорошо назвал архитектуру застывшей музыкой. Её мелодию я услышал во взрослом возрасте.

Нет, иногда мама всё-таки за пределы своего пространства выходила, но, пожалуй, не по своей охоте. На трамвае, который ходил по Шаболовке, мы доезжали до метро «Парк культуры». Оттуда — пешком на Метростроевскую, ныне вернувшую себе прежнее название Остоженки, и через всю Метростроевскую во 2-й Обыденский переулок, если шли в гости к старшему папиному брату дяде Мише, или переходили на другую сторону Метростроевской и в середине её сворачивали в Хилков переулок, где жила мамина тётка, тётя Лиза. Назад — мы иногда возвращались и на метро. Выходили на «Калужской» (теперь «Октябрьская»). Но в этом случае три трамвайных остановки до нашего дома шли по Шаболовке пешком.